

175-5-1
ВОЕННЫЙ

СБОРНИКЪ

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

№ 3

МАРТЪ

1874

ЗАМѢТКИ О ПРЕБЫВАНІИ ВЪ ХИВѢ ВЪ 1873 ГОДУ.

По возвращеніи изъ Нового Ургенча мнѣ предстояло отправиться для астрономическихъ работъ въ городъ Хиву, гдѣ уже возстановлена была власть прежняго хана, и при немъ учрежденъ русскій совѣтъ. Предсѣдатель совѣта, подполковникъ И., предупредилъ хана, что, 24-го июля, придутъ въ Хиву русскій офицеръ для астрономическихъ работъ вблизи ханскаго дворца или въ самомъ дворцѣ. Ханъ хотя выказалъ при этомъ извѣстнѣе недобѣріе, но отъ вѣчалъ, что радъ имѣть русскаго офицера гостемъ. 23-го іюня подполковникъ И. передалъ мнѣ, что, на другой день, утромъ, около девяти часовъ, онъ меня можетъ представить хану въ саду, куда ханъ ежедневно прѣзжаетъ на засѣданія совѣта. «Прощу васъ», прибавилъ подполковникъ И., «не брать съ собою никакого конвоя, а ограничиться, по возможности, однимъ человекомъ для необходимой прислуги при работахъ, чтобы не возбудить излишняго противъ себя недобѣрія».

24-го числа, утромъ, часовъ въ девять, тронулся я изъ лагеря съ необходимыми инструментами, съ однимъ казакомъ и однимъ татаринкомъ-переводчикомъ. Пройдя съ версту отъ лагеря и, не доходя нѣсколько шаговъ до городской стѣны, я увидѣлъ вѣло отъ дороги, къ саду, двѣ кибитки, около которыхъ почтительно стояли мохнатые шапки; передъ воротами сада толпился народъ. По рассказамъ я былъ нѣсколько ознакомленъ съ мѣстностью, а потому безъ разспросовъ подѣхалъ къ входу. Толпа у воротъ почтительно поднялась и пропустила меня къ кибиткамъ. Русская рѣчь, слышавшаяся оттуда, показала мнѣ, что я не ошибся, и что я нахожусь въ мѣстѣ засѣданій совѣта.

— А, вы это на звѣзды пожаловали смотреть, говорилъ подполковникъ Х.; прекрасно, вы можете, не медля, продолжать вашъ путь

въ городъ, вчера уже о васъ было говорено и ханъ согласился на вашъ прѣздъ.

— Въ городъ я еще успѣю къ десяти часамъ, а теперь я желалъ бы видѣть подполковника И., который назначилъ мнѣ это время для того, чтобы представить меня хану.

— Въ такомъ случаѣ прошу садиться и немного подождать; скоро будетъ нашъ предсѣдатель, а за нимъ и правитель ханства.

Кибитка, въ которой я уже стоялъ, не представляла никакой роскоши; на землѣ были поставлены ковры, не отличающіеся ни рисункомъ, ни новизною; противъ входа два кресла изъ гнутаго бука съ плетенками, а по бокамъ три складныхъ табурета. Налѣво отъ входа, на коврѣ стоялъ подносъ; на немъ четыре русскіихъ стакана и чайникъ. Отсутствіе стола и письменныхъ принадлежностей указывало, что въ этихъ дѣловыхъ засѣданіяхъ все рѣшается и разбирается устно. Не смотря на то, что было еще рано, сильная жара давала уже себя чувствовать; я замѣтилъ, что закрытая со всѣхъ сторонъ кибитка не даетъ доступа вѣтру, который бы умѣрилъ жару.

Объ этомъ я уже говорилъ этимъ мохнатымъ головамъ, отвѣчалъ мой собесѣдникъ, но что вы будете дѣлать, они говорятъ: хана нельзя сажать въ открытой кибиткѣ и что его, напротивъ, слѣдуетъ закрывать отъ любопытныхъ глазъ.

Дѣлать нечего, причина убѣдительная. Въ ожиданіи хана и другихъ членовъ совѣта завязался разговоръ о текущихъ событіяхъ. Подполковникъ Х. рассказалъ мнѣ о происшедшемъ, на дняхъ, освобожденіи персовъ-рабовъ, которые въ значительномъ числѣ сходятся къ нашему лагерю, о томъ, какъ озлобленъ совѣтъ и правительство хана тѣмъ, чтобы доставить рабамъ средство къ правильному заработку или къ переселенію. Я, съ своей стороны, рассказывалъ о Ханкахъ, Новомъ Ургенчѣ, о симпатіи къ русскимъ, встрѣченной мною въ этомъ городѣ, гдѣ вліятельнѣйшіе люди много разъ бывали въ Россіи по торговымъ дѣламъ и даже владѣютъ богатыми имѣніями русскимъ языкомъ. Передалъ, между прочимъ, и то, что вопросъ объ освобожденіи рабовъ, насколько я могъ замѣтить, есть болѣе мѣсто почти каждаго семейства. Постоянно и вездѣ къ намъ являлись рабы, показывали слѣды оковъ и просили защиты отъ насилія; вездѣ за ними являлись и узбеки, съ жалобою на шайки бѣжавшихъ рабовъ, которые занимаются, будто бы, грабежами, и въ доказательство показывали свои разбитыя головы.

Вскорѣ явился предсѣдатель совѣта, а за нимъ и ханъ. Ханъ подѣхалъ къ кибиткѣ на сѣромъ аргаманѣ; сѣдо изъ пушцоваго

бархата совершенно прикрывалось, длиннымъ до полу, синимъ суконнымъ халатомъ, который, обыкновенно, наѣбтаетъ онъ, вызывая куда нибудь изъ дворца; на шеѣ его лошади спускалась чешуйчатая, кованная, золотая лента съ камнями; такой же работы узда, нагрудникъ и подковники дополняли богатый конскій уборъ. Посадка хана не отличается красотой и молодцоватостью. Вздить онъ, обыкновенно, шагомъ, какъ всѣ сановные туземцы въ Средней Азій. Впереди хана ѣхалъ мехтеръ; возлѣ ханской лошади шли пѣшкомъ четверо придворныхъ; диванъ-беги и кучка конныхъ придворныхъ сопровождали хана. Ханъ, мужчина лѣтъ тридцати, носить небольшіе черные усы и бороду; монгольскій типъ сказывается въ черныхъ глазахъ и въ сильно развитыхъ скуловыхъ костяхъ.

Войдя въ кабинетъ засѣданій совѣта, ханъ съ любезной улыбкой поздоровался и пожалъ каждому изъ присутствующихъ руку. Затѣмъ, онъ и председатель совѣта заняли по креслу; остальные члены совѣта разѣстались по банкамъ, на табуретахъ.

Председатель обратился къ переводчику и, указывая на меня, приказалъ передать хану, что я именно тотъ офицеръ, о которомъ ему было говорено, и который ѣдетъ къ нему во дворецъ для того, чтобы сдѣлать нужные наблюденія надъ солнцемъ, луною и звѣздами. Ханъ выразилъ сомнѣніе въ томъ, можетъ ли человѣкъ что нибудь сдѣлать съ такими отдаленными предметами, какъ небесныя свѣтила, но отвѣчалъ мнѣ пожатіемъ руки и приглашеніемъ быть у него гостемъ.

Такъ какъ время наблюденія дополуденныхъ солнечныхъ высотъ приближалось, то я и направился къ двери, раскланившись съ присутствующими. Переводчикъ передаетъ хану, что я думаю сейчасъ же приступить къ работѣ, и ханъ, давъ мнѣ проводника изъ своей свиты, снабдилъ его необходимыми приказаніями о томъ, гдѣ и какъ меня помѣстятъ во дворцѣ.

Проводникъ, данный мнѣ ханомъ, опередилъ меня и встрѣтилъ въ воротахъ дворца, которыя были заняты рабами и придворными хана, числомъ до двадцати человѣкъ. Старикъ, съ бѣлою бородою, держалъ въ рукахъ палку, въ родѣ іерейскаго посоха и, повидимому, распоряжался у входа. На требованіе мое проводить меня въ мѣсто, назначенное для меня ханомъ, меня ввели въ ворота и помѣстили вѣжо отъ воротъ, въ небольшой комнаткѣ у входа въ дворцовую мечеть.

Слѣдъ за симъ тотчасъ же былъ установленъ инструментъ и наблюденіе началось. Человѣкъ двадцать узбековъ заняли противъ меня мѣсто въ тѣни и смотрѣли съ любопытствомъ; по счастью, никто

изъ нихъ не имѣлъ охоты подѣбсть поближе подъ жгучіе лучи солнца, иначе непрерывныя ихъ замѣчанія на мой счетъ помѣшали бы мнѣ работать. Полуденныя высоты солнца были мною наблюдаемы при подобной же обстановкѣ.

Черезъ часъ послѣ полудня явился ко мнѣ въ комнату одинъ изъ придворныхъ хана, высокій, красивый мужчина, съ черными, какъ уголь, глазами, и окладистой бородою; съ перваго взгляда нельзя было не признать въ немъ персіянина. Въ рукахъ онъ несъ большой подносъ, покрытый салфеткой.

— Ханъ только что вернулся во дворецъ и посылаетъ тебѣ, господинъ, свое привѣтствіе.

На вскрытомъ подносѣ группировались два блюда съ фруктами, нѣсколько дынь, свертокъ чаю (въ пергаментѣ), ящичекъ съ китайскимъ сахаромъ и маленькая головка русскаго сахару, одного изъ подмосковныхъ заводовъ. Я сдѣлалъ въ это время за чаемъ, который здѣсь болышинство русскихъ, подобно туземцамъ, во время сильныхъ жаровъ, пьютъ по нѣскольку разъ въ день. Угостивъ посланнаго чаемъ, я просилъ передать хану мою благодарность за любезный приемъ. Отпуская посланнаго, я ему положилъ на принесенный имъ подносъ маленький русскій золотой. Посланникъ, увидѣвъ монету, замѣтилъ мнѣ, что принесенное на подносѣ прислано ханомъ; я отвѣчалъ, что монету дарю не хану, а его посланному съ любезнымъ привѣтствіемъ. Персіянинъ, очень довольный, умелъ доложить своему повелителю объ исполненіи порученія.

Сильная жара чрезвычайно меня утомила и я чуть было не пропустилъ времени для наблюденія послѣполуденныхъ высотъ солнца. Окончивъ эту работу, я приказалъ переводчику отправиться на базаръ и купить чего нибудь для обѣда, а также застѣись клеверомъ для лошадей. Не успѣлъ переводчикъ мнѣ принести пару цыплятъ и нѣсколько клеверу, какъ является вторично посланный отъ хана, съ просьбой: не могу ли я показать хану, какими инструментами и какъ я работаю? Я отвѣчалъ, что мои работы не составляютъ секрета, и что ханъ можетъ видѣть инструменты. Передавъ это хану, посланный явился вторично, въ сопровожденіи трехъ придворныхъ, и просилъ меня къ хану.

Пройдя первый внутренній дворъ, мы вступили въ темный коридоръ, который, сдѣлавъ поворотъ подъ прямыми угломъ, привелъ насъ на второй, меньшій, квадратный дворъ. У входа на этотъ дворикъ стояло человѣкъ десять придворныхъ. Посреди двора виднѣлось круглое возвышеніе, выложенное кирпичемъ, аршинъ десять въ T. LXIV. Отд. 1.

диаметръ, при одномъ аршинѣ высоты. Возвышеніе это, вѣроятно, назначалось для постановки на немъ палатки или кибитки. Въ первомъ углу, направо, видѣлся остовъ бесѣдки (вѣроятно) изъ зелени. Въ другомъ углу, по діагоналѣ, противъ входа, дверь въ коридоръ, ведущій въ гаремъ и на дворцовую баню, которая служила прежде пороховымъ складомъ. Отъ входа налево, на высотѣ двухъ аршинъ надъ землею, расположена тераса, потолкавъ росписанъ яркими красками, три боковыя стѣны выложены узорчатыми изразцами, дающими стройные рисунки. Три деревянные двери, съ рѣзбою, ведутъ въ опочивальню хана, гдѣ онъ, обыкновенно, отдыхаетъ днемъ, отъ двѣнадцати до трехъ или до четырехъ часовъ. На терасѣ, на узорчатой туркестанской кошмѣ, прислонясь къ рѣзной деревянной колоннѣ, сидѣлъ Сеидъ-Магомедъ-Рахимъ-ханъ.

Протянувъ мнѣ руку, ханъ указалъ мѣсто возлѣ себя на терасѣ, куда поставили также и принесенные со мною телескопъ, кругъ Пистора и ящикъ съ хронометрами. Первымъ былъ вынутъ изъ ящика телескопъ. «Труба», сказалъ по-русски ханъ, какъ только увидалъ телескопъ. Я объяснилъ, что въ эту трубу я, обыкновенно, наблюдаю, какъ луна, двигаясь, закрываетъ собою то одну, то другую звѣздочку, и изъ этихъ наблюденій узнаю, какъ далеко и въ какой сторонѣ лежитъ это мѣсто отъ другихъ извѣстныхъ мѣстъ, городовъ, ключей и т. п. Я продолжалъ объяснять, что на лунѣ въ телескопъ можно различить множество темныхъ и свѣтлыхъ пятенъ неправильной и разнообразной формы, которыя мы видимъ потому, что на лунѣ такъ же, какъ и на землѣ, есть горы и долины, впадины и возвышенія; что при рассматриваніи солнца мы также замѣчаемъ темныя пятна неправильной формы. Ханъ спросилъ, нельзя ли ему познать эти пятна теперь же.

Тотчасъ же былъ поставленъ телескопъ на каменную площадку посреди внутренняго дворика и наведенъ на край солнца, ближайшій къ горизонту и болѣе богатый въ то время пятнами. Черезъ темное стекло, навинченное на окуляръ, дискъ солнца представлялся сѣро-голубоватымъ. Вглянувъ въ трубу, ханъ сказалъ, что онъ видитъ только небо, но солнца не видитъ. Я ему объяснилъ, что для предохраненія глаза отъ сильнаго солнечнаго свѣта надвѣшается на трубу темное, сѣро-синее стекло, чрезъ которое, кромѣ солнца, другихъ менѣ яркихъ предметовъ видно не будетъ, и что часть сѣро-голубого круга, вибѣнная имъ въ трубѣ, есть часть солнечнаго диска, на которомъ видѣются совершенно темныя пятна, окруженныя полутѣнью. Ханъ нѣсколько разъ принимался рассматривать, причемъ я устанавливалъ

окуляръ по его глазу, а также позволилъ посмотреть въ трубу нѣкоторымъ изъ своихъ придворныхъ и, наконецъ, сказалъ, что пятна на солнцѣ онъ видѣлъ. «Отчего бываютъ пятна на солнцѣ?» обратился ко мнѣ ханъ, вернувшись отъ телескопа на терасу на прежнее свое мѣсто. Я ему рассказалъ теорію Гершеля о физическомъ устройствѣ солнца, какъ болѣе легкую для представленія, а потомъ прибавилъ, что вопросы эти издали мы можемъ рѣшить только гипотезами, болѣе или менѣ согласными съ наблюденіями, но не рѣшающими вопроса категорически, и что въ настоящее время ученые объясняютъ себѣ эти вопросы иначе. «Я думаю, что этого достовѣрно вы знать не можете», сказалъ ханъ и просилъ показать тѣ инструменты, которыми я работалъ въ полдень на дворѣ. Я показалъ хронометры, кругъ Пистора и искусственный горизонтъ; объяснилъ, что кругомъ Пистора можно измѣрить высоту свѣтила надъ горизонтомъ и потомъ, при помощи таблицъ, узнать часъ, минуты и секунды въ моментъ наблюденія, и такимъ образомъ знать, сколько минутъ и секундъ хронометръ идетъ впередъ или отстаетъ. Ханъ для повѣрки своихъ часовъ пожелалъ знать, сколько часовъ прошло послѣ полдня, объяснивъ, что у нихъ полдень считается полтора часа послѣ того, какъ солнце достигаетъ наибольшей высоты. Часы у хана оказались, приблизительно, вѣрны. Я рассказалъ хану, что звѣзды на небѣ поднимаются вечеромъ на востокъ и къ утру опускаются на западъ, за исключеніемъ одной (Polaris), которая почти стоитъ на одномъ мѣстѣ; что звѣзды, лежащія ближе къ Polaris, не восходятъ и не заходятъ, а только вращаются вокругъ нея. Далѣе я объяснилъ, что если стать лицомъ къ этой неподвижной звѣздѣ и продолжать путь въ этомъ направленіи, то чѣмъ дальше уйдешь, тѣмъ болѣе холодныя страны встрѣишь на этомъ пути, и что, наоборотъ, двигаясь въ противную сторону, будешь находить страны болѣе и болѣе теплыя. Въ холодныхъ странахъ мы будемъ видѣть неподвижную звѣзду гораздо выше, чѣмъ въ теплыхъ, и что, измѣривъ гдѣ-либо высоту этой звѣзды, можно вычислить, на сколько мы ушли въ указанномъ направленіи отъ каковаго нибудь извѣстнаго мѣста. Далѣе я старался дать понятіе о роли хронометровъ въ путешествіи. Когда въ Хивѣ, сказалъ я, солнце уже взошло, въ то же время гдѣ-нибудь къ западу отъ Хивы, напримѣръ, въ Астрабадѣ, еще ночь. Слѣдовательно, въ одинъ и тотъ же моментъ на востокѣ будетъ считаться больше часовъ, чѣмъ на западѣ.

Если имѣть хорошій хронометръ и опредѣлить по звѣздамъ или солнцу, на сколько онъ идетъ впередъ или отстаетъ въ одномъ горо-

дѣ, потомъ осторожно перевезти хронометръ въ другой городъ и опять опредѣлить по звѣздамъ, на сколько онъ идетъ впередъ или отстаетъ, то разность дастъ возможность судить, на сколько второй городъ восточнѣе или западнѣе перваго. «Къ чему же это служить?» сказалъ ханъ. Пусть представитъ себѣ ханъ, отвѣчалъ я, что мы съ нимъ отправились на кораблѣ по одному изъ большихъ морей, о которыхъ онъ, вѣроятно, слышалъ, съ цѣлью пристать къ одному берегу въ известномъ мѣстѣ, положеніе котораго по опыту прежнихъ лѣтъ известно. Чрезъ два дня пути насъ окружала бы вода. Никакихъ указаній, гдѣ мы находимся и куда направлять корабль. Небо и вода—вотъ все, что у насъ на много дней впереди передъ глазами. Правда, первоначальное направленіе мы можемъ сохранять по магнитной стрѣлкѣ, уже известной хану; но что мы будемъ дѣлать, если бурей насъ отнесетъ куда нибудь далеко въ сторону? Придерживаясь первоначальнаго направленія, мы уже не попадемъ въ желаемое мѣсто. Остается намъ одно: сдѣлать наблюденія звѣздъ, луны и солнца и узнать, въ какомъ мѣстѣ на землѣ, т. е. въ какой растояніи и въ какой сторонѣ отъ известныхъ мѣстъ мы находимся. Узнавъ это, мы можемъ распорядиться снова направленіемъ корабля, какъ въ началѣ при отправленіи въ путь. Если во многихъ мѣстахъ мы сдѣлаемъ такіа наблюденыя звѣздъ, луны и солнца, то можемъ на бумагѣ нанести эти мѣста, такъ что разстояніе между однимъ городомъ и каждымъ изъ остальныхъ будетъ въ одинаковое число разъ меньше, чѣмъ въ дѣйствительности, и мы получимъ карту, на которой можно назначить рѣки и озера, горы и долины. Имѣя такую карту, легко будетъ опредѣлять разстоянія между городами, увеличивая въ известное число разъ имѣющееся разстояніе на картѣ. На мой вопросъ, видѣлъ ли ханъ наши карты, онъ отвѣчалъ: «Я видѣлъ, какъ у васъ рисуютъ дороги, но такой карты, гдѣ бы были всѣ города, я не видалъ». Со мной, къ сожалѣнію, не было карты Средней Азіи, и я отвѣчалъ, что въ другой разъ принесу показать хану такую карту.

Получивъ объясненіе въ употребленіи круга Пистора и хронометровъ, ханъ спросилъ, что дѣлаютъ съ ящикомъ, гдѣ укладывается искусственный горизонтъ. Доставъ инструментъ, я объяснилъ, что высоты свѣтлыхъ небесныхъ считаются отъ стоячей воды или другой жидкости, напримѣръ, ртути, и показалъ, какъ держать кругъ Пистора передъ искусственнымъ горизонтомъ во время наблюденія, и какъ надо поступать, чтобы получить высоту свѣтила. На вопросъ о томъ, каковъ видъ земли, я разсказалъ, что земля круглая и что потому, когда мы подъѣзжаемъ къ городу въ открытой мѣстности,

въ степи, то видимъ сначала верхушки башенъ и минаретовъ, затѣмъ крыши и потомъ уже основаніе городскихъ строеній. Ханъ отвѣчалъ, что онъ это обстоятельство замѣчалъ. Я прибавилъ еще, что нѣтъ надобности предполагать, что земля поддерживается быкомъ или рыбою, на томъ же основаніи, что мы не замѣчаемъ подобной поддержки ни на лунѣ, ни на солнцѣ. «А что ближе, луна или солнце?» спросилъ ханъ. «Луна много ближе къ землѣ. Земля, я уже сказалъ, кругла, какъ яблоко; отъ середины этого яблока до насъ около 6,000 верстъ, менѣе 1,000 ташъ, а до луны въ 60 разъ болѣе. Размѣры земли не слишкомъ велики. По прямому направленію вокругъ земли около 36,000 верстъ, или менѣе 5,000 ташъ. Въ настоящее время, кругомъ земли можно объѣхать менѣе чѣмъ въ три мѣсяца».

Солнце уже садилось, и время для совершенія намаза было не далеко. Я всталъ, пожалъ хану руку и раскланялся; за мной бережно унесли ящики и инструменты. На другой день утромъ, явились ко мнѣ съ визитомъ разные придворные чины; нѣкоторые изъ нихъ знали по нѣскольку русскихъ словъ. Сѣдой старецъ, привратникъ, являлся ежедневно, распрашивалъ о здоровьи и, прикладывая руки къ сердцу, говорилъ: «ты мой господинъ, приказывай, что тебѣ нужно, сейчасъ все будетъ исполнено». Я обыкновенно сажалъ его у себя, поилъ чаемъ и спрашивалъ о городѣ и о всѣмъ, что меня интересовало. Онъ, подобно большинству ханскихъ придворныхъ, былъ изъ плѣнныхъ персіянъ. Впослѣдствіи, онъ былъ мнѣ полезенъ тѣмъ, что познакомилъ меня съ казы и главнымъ муллою въ деревсѣ Полванъ.

Наступилъ вечеръ. Приготовившись къ вечернимъ наблюденіямъ, я прохаживался по дворику дворцовой мечети. Ханская прислуга, разославъ у воротъ и въ разныхъ углахъ двора кошки, поужинавъ пилаломъ, расположилась на отдыхъ. Часовъ въ десять вечера, когда уже было совсѣмъ темно, я замѣтилъ суматоху на дворѣ. Я вышелъ узнать о причинѣ и увидѣлъ, что прислуга сѣшно одѣвается и занимается обычныя мѣста. Вскорѣ показался ханъ, впереди пробѣжали два джигита, что то въ родѣ скороходовъ; вокругъ хана, шли четверо придворныхъ, позади два мальчика несли матрацъ и подушки. Когда процессія прошла за ворота и направилась черезъ площадь, я узналъ отъ ханскихъ слугъ, что ханъ отправился по обыкновенію провести ночь въ своемъ гаремѣ, который помѣщался теперь не далеко отсюда, въ другомъ дворцѣ.

Обыкновенно утро, съ девяти часовъ до полудня, ханъ проводитъ

въ совѣтъ, о которомъ я уже говорилъ; въ полдень прѣзжаетъ въ свой дворецъ, гдѣ отдыхаетъ часа три или четыре; затѣмъ, до заката солнца, производитъ судъ и рѣшаетъ текуція дѣла, по закатѣ солнца ужинаетъ и часовъ въ десять вечера, отправляется въ гаремъ. У хана четыре жены и до пятидесяти невольницъ. Въ день занятія Хивы, одному изъ европейцевъ, не принадлежащему къ русской арміи, удалось, съ позволенія дамъ, пробраться въ гаремъ, помѣщавшійся тогда въ здѣшнемъ дворцѣ. Онъ нашелъ по сторонамъ обширнаго двора, въ двухъ-этажныхъ зданіяхъ болѣе пятнадцати помѣщій, изъ двухъ и трехъ комнатъ каждое (не считая трехъ большихъ кабинетовъ посреди двора), устланныхъ коврами, коврами, одѣялами, пуховиками, надутыми не изъ розовыхъ маселъ, заставленныхъ различными судуками и хозяйственными принадлежностями. Въ гаремъ тогда было около тридцати женскихъ существъ, на половину взрослыхъ, на половину дѣтей, изъ нихъ двѣ или три старухи и пять или шесть красивыхъ, молодыхъ женщинъ. Самого хана тогда въ Хивѣ не было, онъ уехалъ за день въ г. Казаватъ, и, вѣроятно, увезъ съ собою и любимѣйшихъ женъ. Молодыя дамы впустили европейца въ гаремъ изъ любопытства, и держали себя относительно его довольно учтиво и любезно, но двѣ старухи, какъ фурии, бросились на любопытнаго, и съ шумомъ, и угрозами заставили его удалиться. Все это я слышалъ не отъ хивинцевъ, которые о подобныхъ вещахъ весьма неохотно ведутъ разговоръ.

Часовъ въ пять по-полудни, ханъ пригласилъ меня къ себѣ на закуску; обѣдъ у хивинцевъ бываетъ по закатѣ солнца. Я нашелъ хана на той же терасѣ, гдѣ видѣлъ его и въ первый разъ. На послѣдней ступенькѣ, у входа на терасу, сидѣлъ какой-то пожелтый, лѣтъ сороковникъ; вскорѣ пришелъ и новый диванъ-бегі Матъ-Ніазъ, вмѣсто смѣненнаго, вслѣдъ за приходомъ русскихъ, Матъ-Мурада. Ханъ, усадивъ меня рядомъ, подвинуть ко мнѣ блюдо съ пирогами, одѣятыми изъ прѣснаго пшеничнаго тѣста на коровьемъ маслѣ и начиненными какини-то пріятными кореньями. Матъ-Ніазу и другому придворному было подано каждому также по блюду; опустясь на колѣни, они уничтожали эти пироги съ большимъ апетитомъ; вѣроятно, этого требовалъ этикетъ. За пирогами слѣдовало пить, а затѣмъ зеленый чай безъ сахару. Во время этой закуски, Матъ-Ніазъ и другой придворный хранили полное молчаніе. Ханъ, поздоровавшись, освѣдомился о моемъ здоровьѣ и рекомендовалъ Матъ-Ніаза и другаго мірузъ.

Въ тотъ же день, мнѣ удалось осмотрѣть двѣ мечети. Одна изъ

нихъ, еще не совсѣмъ оконченная, на площади противъ дворца, построена нынѣшнимъ ханомъ въ 1872 году. При мечети медресе, главнымъ учителемъ котораго хивинскій казы. Учениковъ въ это время было очень мало; не знаю, было ли то время ваканцій, или разбрелись они по случаю смутнаго времени. Медресе, двухъ-этажное зданіе, со стрѣльчатыми окнами, имѣетъ по срединѣ внутренний дворъ, окруженный рядомъ келій, каждая въ двѣ комнаты, въ которыхъ помѣщаются ученики; посреди двора устроены колодези. Преподаваніе производится въ залахъ, изъ которыхъ одна, въ которой преподаетъ главный казы, и гдѣ производится экзамены на степень мудлы, отличается обширностью и высокимъ стрѣльчатымъ (островвернымъ) сводомъ; наверху расположено маленькое рѣшетчатое окно, за которымъ во время экзаменовъ, невидимо для учениковъ, присутствуетъ ханъ. Архитекторъ этого медресе устроилъ куполъ или, вѣрнѣе, сводъ, такъ что каждое слово, сказанное ученикомъ въ залѣ, хотя бы очень тихо, явственно слышится въ рѣшетчатомъ окнѣ. Тамъ для хана имѣются двѣ съ особымъ входомъ комнаты, изъ которыхъ одна оклеена обоями. Казы помѣщается въ такихъ же двухъ комнатахъ, выходящихъ на внутренний дворикъ, какъ и его студенты. Казы принялъ меня любезно и предложилъ зеленого чаю безъ сахару. На мой вопросъ о предметахъ преподаванія, онъ объяснилъ, что учениковъ здѣсь, какъ и повсюду въ ханствѣ, учатъ, исключительно, чтенію, письму, пониманію корана и шариата. «Правда», прибавилъ онъ, «очень давно обучали въ Хивѣ и медицину, но теперь этимъ искусствомъ занимаются исключительно персіане». О географіи и математикѣ въ преподаваніи нѣтъ и рѣчи. Узнавъ, что я занимаюсь астрономическими наблюденіями, казы обратился ко мнѣ за разрѣшеніемъ спорнаго у нихъ вопроса: «сколько небесъ»? «Одни у насъ», говорилъ казы, «утверждаютъ, что ихъ семь, другіе говорятъ девять и одиннадцать; сколько по вашему?» Я ему старался разъяснить, что голубой сводъ надъ нами есть слѣдствіе отраженія лучей свѣта въ воздухѣ, но казы такимъ объясненіемъ остался, кажется, недоволенъ; за то географическая карта Средней Азіи и рѣшеніе по ней вопросовъ о растояніяхъ и положеніи извѣстныхъ казы городовъ привело его въ совершенный восторгъ. Онъ видѣлъ карту въ первый разъ.

Во время нашей бесѣды явился къ казы молодой персіанинъ, въ богатой хивинскій одеждѣ. «Онъ пришелъ заявить мнѣ отъ имени своей сестры, которая замужемъ здѣсь за однимъ узбекомъ, желаніе ея развестись съ мужемъ и идти съ персіанцами на родину», объяс-

ниль мнѣ казы и, взявъ доскутокъ бумаги, написалъ на немъ нѣсколько словъ и отдалъ его мальчику—это былъ вызовъ.

Черезъ нѣсколько минутъ предстали предъ казы высокая красивая женщина лѣтъ 22-хъ и богатый узбекъ лѣтъ 40. Не знаю, чѣмъ кончилось судебское разбирательство, но я слышалъ, что расторженіе браковъ по шариату, въ Хивѣ, дѣло нерѣдкое.

Другая мечеть, осматрѣнная мною, была Полванъ-медресе; мечеть эта служить мѣстомъ призрѣнія и обученія отъ 60 до 70-ти слѣпыхъ мужчинъ всѣхъ возрастовъ. Слепцы эти содержатся частью добровольными приношеніями но, главнымъ образомъ, на ханскія суммы.

Пройдя высокія ворота, я вступилъ на внутренний дворъ; лѣво отъ входа—помѣщеніе семейнаго муллы, начальника богадѣльни, направо площадка передъ пишею, окруженная рѣшеткой—это мѣсто совершенія молитвъ. Всѣхъ намазовъ у нихъ пять, изъ нихъ первый до восхода солнца, послѣдній на закатѣ. Въ глубинѣ внутреннего дворика возвышается высокий храмъ съ куполомъ, совершенно лишенный свѣта, такъ что днемъ для осмотра зданія пришлось зажечь какой-то библейскій свѣточъ, формою напоминающій башмачекъ. По срединѣ спускалось съ купола русской работы панинадило, совершенно какъ въ русскихъ храмахъ; въ углу, противъ входа, окружены рѣшеткой двѣ могилы хивинскихъ хановъ. Арка надъ вѣдомъ въ другой меньшей размѣра храмъ или часовню, также совершенно темную, построенную надъ могилою хивинскаго святаго Полвана. Надъ входомъ въ эту часовню надпись: «Не лучше ли спокойно лежать здѣсь, чѣмъ постоянно встрѣчаться въ мірѣ не только съ хорошими, но и съ худыми людьми». Стѣны всѣ сдѣланы изъ узорчатыхъ изразцовъ. Синіе остроугольные рисунки расположены строго симметрично.

Помѣщеніе слѣпыхъ раздѣлено на три яруса и занимаетъ пристройку направо отъ храма. Изъ одного этажа въ другой ведутъ узкія, совершенно темныя, съ частыми, крутыми поворотами лѣстницы. За исключеніемъ этихъ опасныхъ лѣстницъ, помѣщеніе слѣпыхъ довольно опрятно. Большинство слѣпыхъ, которыхъ я видѣлъ, потеряли зрѣніе отъ оспы, но было нѣсколько человекъ и съ катарактомъ. Главный мулла рассказывалъ мнѣ, что оспа составляетъ самую губительную и распространѣнную болѣзнь въ ханствѣ, что заболѣвшему они стараются доставить облегченіе, прокалывая иглами кожу и мускулы на рукахъ, между указательнымъ и большимъ пальцами, и впуская въ проколы оспенную матерію. «У меня было два

сына и оба умерли отъ оспы въ первые года ихъ жизни; не знаешь ли чѣмъ предохранить третьяго моего сына?» говорилъ мулла. Я ему рассказалъ о нашемъ предохранительномъ оспопрививаніи и предложилъ обратиться къ русскому доктору; мулла согласился съ радостью, но потомъ, на другой день, вѣроятно, переговоривъ съ женою, отказался отъ докторской помощи. Могила хивинскаго святаго Полвана, по словамъ муллы, болѣе 500 лѣтъ, а храмъ, въ томъ видѣ какъ теперь, построенъ всего тому назадъ лѣтъ 80.

Свободные часы слѣдующаго дня я посвятилъ осмотру города. Въѣзжая въ Хиву по дорогѣ отъ города Хазаръ-асна и проѣхавъ ворота съ башнями въ городской стѣнѣ, мы встрѣчаемъ площадку у самой стѣны, а далѣе, вправо отъ дороги, идетъ грязный переулокъ, окруженный заколоченными лавочками: это невольничій рынокъ, съ приходкомъ русскихъ, окончившій свое существованіе. Здѣсь можно было прежде покупать персіянокъ за 100 тилей, а персіянь за 200 (1 тилъ = 1 руб. 80 коп.). Для сравненія, замѣтимъ, что порядочная туркменская лошадь цѣнится здѣсь въ 300—400 и болѣе тилей; верблюдъ въ 30—40 тилей, а оселъ отъ 3 до 10 тилей. Далѣе, по дорогѣ къ главному базару, уже среди города, попадаетъ на глаза кладбище и стоящая тутъ же висѣлица. На другой день манифеста объ освобожденіи рабовъ-персіянь, ханъ, вѣроятно, для нагляднаго доказательства равноправности, повѣсилъ одного узбека и одного персіянина, на которыхъ принесены были жалобы: на узбека—его рабовъ, а на персіянина—его владѣльцемъ.

На главномъ базарѣ, по обѣимъ сторонамъ довольно узкой улицы, сидѣли въ лавочкахъ торговцы. Прежде всѣхъ попадаетъ на глаза мясникъ; мясо у него разрѣзано на кусочки и натыкано на вѣшалку съ острыми спицами; рои мухъ покрываютъ не покрытое ни чѣмъ мясо. Бараний курдюкъ или разрѣзается полосами вдоль или виситъ цѣликомъ до востребованія. Для убои барановъ имѣется близъ базара, у вторыхъ воротъ, особый темный подвалъ, но торговцы для скорости производятъ нерѣдко эту операцію и на дворахъ своихъ лавокъ, если не въ самыхъ лавкахъ. У продавцевъ овощей встрѣчается множество лука, моркови, краснаго стручковаго перцу, длинные огромные огурцы; картофелю и капусту вовсе не видно. Хотя и говорили мнѣ, что въ Чимбаѣ есть картофель, но самому мнѣ никогда видѣть его не приходилось. У продавцевъ плодовъ, въ іюль мѣсяцъ, было множество прекрасныхъ и разнообразныхъ дынь; урюкъ уже былъ къ концу, персики только что начинали поспѣвать, виноградъ хотя и встрѣ-

чался на базарѣ, но еще не спѣлымъ. Арбузовъ тоже мало—вѣроятно рано было.

Въ чай-хане угощаютъ зеленымъ чаемъ и кальяномъ. Вся эта базарная улица крыта кое-какъ и чѣмъ попало отъ солнечныхъ лучей. На концѣ улицы, гдѣ помѣщаются кузницы и складъ соли (въ помкахъ), я встрѣтилъ желѣзные ворота, а за ними крытый базаръ; тамъ продавали сахаръ въ маленькихъ головкахъ по пяти фунтовъ, какого-то подмосковнаго завода въ Сокольникахъ, по 35 и 50 копѣекъ за фунтъ, чай зеленый, китайскій (грубый) и русскій фарфоръ, т. е. полоскательныя чашки отъ (50 коп. до 5 руб.) и чайники, подносы раскрашенные, русской и китайской работы, лимоны въ банкахъ, нарѣзанные домиками въ сахарномъ сиропѣ по 1 и 2 руб. фунтъ, хлопковъ, русскіе ситцы, мѣстный канаусъ и различный мелкій товаръ. Изъ минераловъ на сбруѣ, можно встрѣтить сердоликъ и бирюзу низкаго качества. Туркменскіе шерстяныя ковры, длиною отъ пяти до шести аршинъ и отъ трехъ до четырехъ аршинъ ширины, цѣнятся въ 25 и 40 рублей. Муку можно получить прямо на мельницахъ, которыхъ много въ разныхъ частяхъ города. Это сааги, по срединѣ которыхъ жернова съ самымъ простымъ приводомъ-рычагомъ приводятся въ движеніе верблюдомъ или осломъ. Тутъ же устраивается въ комнатахъ рядомъ съ подобнымъ же приводомъ и маслобойня для добыванія кунажутаго масла. Пудъ муки пшеничной съ отрубями продавался по 70 коп.; фунтъ рисовой крупы по 2, 3 и 4 коп.; изюмъ 10 и 15 коп. за фунтъ. На базарѣ встрѣчаются и женщины-покупательницы; онѣ закрываютъ лицо черною волосаюй сѣткою, но надо полагать, что онѣ стали это дѣлать только съ прихода въ Хиву русскихъ, потому что вездѣ въ Хивинскомъ ханствѣ женщины лица не закрываютъ. Одежда мужчинъ состоитъ изъ ватнаго халата, стеганнаго вдоль и крытаго полосатою (вдоль же) бумажною матеріею, изъ прочныхъ желтыхъ сапоговъ, безъ туфель, сшитыхъ изъ коровой кожи, съ загнутымъ немного вверхъ острокопечнымъ носкомъ и изъ бараньей черной, по преимуществу, высокой шапки. Нарядъ женскій состоитъ изъ сапоговъ, сшитыхъ изъ бараньей шагреновой кожи (ичики) и по верху нихъ туфель, изъ шароваръ, изъ шелкового до колѣна халата съ широкими рукавами и изъ цилиндрическаго закругленнаго вверхъ ярко-цвѣтнаго или парчеваго головного убора. При выходѣ на улицу, поверхъ шелковаго халата женщины накидываютъ на плеча другой синій халатъ съ длинными, узкими рукавами, пришитыми на спинѣ.

Улицы вообще узки, обставлены высокими стѣнами, окружающими

каждую постройку, конечно, безъ оконъ (на улицу), а если такія изрѣдка и встрѣчаются, то бываютъ всегда задѣланы деревянными рѣшетками. Передъ отъѣздомъ изъ Хивы въ русскій лагерь, я обошелъ ханскій дворецъ, который со всѣми постройками обнесенъ высокою зубчатою стѣною. Тамъ кромѣ мечети, гарема, помѣщенія хана и его саугъ, видѣлъ я монетный дворъ (на дворѣ мечети), пороховой заводъ и складъ пороха въ самой высокой надстройкѣ—четырехъ-угольной башнѣ. Обширное хозяйство и кухня—при гаремѣ. Кромѣ ханскаго дворца, есть въ Хивѣ еще дворцы у дяди и братьевъ хана. Одинъ изъ нихъ, Атаджанъ (*), не въ ладу съ братомъ-правителемъ, и, до прихода русскихъ въ Хиву, содержался въ заключеніи. Ему симпатизируютъ рабы персы, и ханъ, кажется, подозрѣвалъ его въ желаніи произвести какой-нибудь переворотъ, опираясь на рабовъ.

Утромъ, въ день назначенный мною для выѣзда въ лагерь, пришелъ мой джигитъ-переводчикъ и доложилъ, что ханъ прислалъ подарки. За переводникомъ садовалъ одинъ изъ придворныхъ хана, неся пачку русскихъ асигнацій, не знаю сколько ихъ было счетомъ; другой хивинецъ держалъ на дворѣ въ поводу рыжую лошадь. Вошедшій въ комнату сказалъ: «Ханъ посылаетъ тебѣ, господинъ, въ подарокъ коня и деньги; у насъ обычай дарить гостей конемъ и золотыми, при отправленіи ихъ путь; но при теперешнемъ положеніи дѣлъ въ ханствѣ, ханъ не имѣетъ въ своей казнѣ золотыхъ и потому посылаетъ тебѣ русскія деньги». Я велѣлъ благодарить хана за лошадь, а деньги отъ моего имени просилъ передать въ хивинскія медресе.

Лошадь, съ разрѣшенія начальства, я принялъ и отдалъ хану ковромъ и револьверомъ. Не знаю, справедливо ли было заявленіе придворнаго о пустотѣ ханской казны, но отъ самаго хана мнѣ удалось слышать такое мнѣніе: «деньги—что, потерять ихъ ничего не значитъ, была бы власть въ рукахъ, а деньги будутъ».

Вернувшись въ русскій лагерь, я засталъ тамъ приготовленія къ походу на юмудовъ.

С.—

(*) Атаджанъ, какъ извѣстно, проживаетъ теперь въ Тифлисѣ. Ред.